

УДК 165.17

Мотовникова Елена Николаевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
тел.: (961) 165-12-11

**«ВЕЧНЫЕ ИСТИНЫ»
В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ Н.Н. СТРАХОВА**

Аннотация:

В статье выявляются некоторые основополагающие личностные познавательные и философско-научные методологические принципы выдающегося русского мыслителя Н.Н. Стрехова. Показано сочетание в его деятельности просветительских и исследовательских установок, следование строгим логико-методологическим стандартам и высоким идеалам духовных истин.

Ключевые слова:

эпистемология, методология, философия науки, история русской философии, критика спиритизма, отвлеченное мышление.

Motovnikova Elena Nikolaevna

PhD, Associate Professor of
the Philosophy Department,
National Research University
Belgorod State University
tel.: (961) 165-12-11

**“ETERNAL TRUTHS”
IN METHODOLOGICAL
PERSPECTIVE OF N.N. STRAKHOV**

Summary:

The article identifies some fundamental personal cognitive, philosophical and scientific methodological principles of the outstanding Russian philosopher N.N. Strakhov. The author fetches out the combination in his works of educational and research guidelines, as well as compliance with logical and methodological standards and high principles of spiritual truths.

Keywords:

epistemology, methodology, philosophy of science, history of Russian philosophy, criticism of spiritualism, abstract thinking.

Наш век хочет познавать, но упорно отказывается мыслить, как будто боясь, что мышление разрушит начала, на которых он строит свою жизнь, и возложит на него слишком трудные задачи и обязанности... Я желаю стоять за одно в моей книге: за философский метод ставить и развивать понятия. В этом методе вся тайна умозрения.

Н.Н. Страхов [1, с. 76].

Талант и любознательность, трудолюбие и опыт исследований в естественнонаучной и философской парадигмах позволили Н.Н. Страхову (1828–1896) стать выдающимся методологом и философом науки, намного опередившим свое время. Ведущее значение метода в познавательной деятельности Стрехова, принятое всеми его комментаторами, толкуется, однако, весьма разнопланово. А.И. Введенский так излагал свое понимание «сократовского» свойства метода Стрехова: «Он всегда, прежде всего и больше всего, занят установкой вопроса. Опровергая ложные мнения, отклоняя мысль с ложных путей, он указывает тем самым путь истинный, так сказать, подводит к истине, ставит в надлежащую перспективу, а сам отходит в сторону и как бы говорит: “смотри, рассуждение кончилось, и началось ощущение, видение, – мы вступили в царство живых и конкретных идеалов красоты, блага и святости”» [2, с. 5–6].

А.И. Введенский, подобно другим страховским единомышленникам, как будто бы не вполне осознавал, что как раз в этой несводимости в едином процессе перспективы истины рассудка и истины идеи разума и была главная трудность и проблема Н.Н. Стрехова – неразрешимая проблема философа, абсолютно точно знавшего, где истина, но никак не находившего те самые логические пути к этой истине, чтобы показать их всем.

Для журнальных полемик на публике Страхов выбирал темы бесспорной общественной значимости, прежде всего, литературные, научные и образовательные, где у него был определенный авторитет и, главное, он точно знал, что сможет ясно и убедительно на уровне здравого смысла ответить на любой вопрос. Пока спор с учеными-спиритами 1870-х шел в границах научных терминов, теорий и методов – главным образом о соотношении фактического и умозрительного в научном знании, о веществе и поле – он проходил бодро и к взаимному удовольствию и даже пользе в смысле прояснения понятий. Но по мере углубления дискуссии, спустя 10 лет после первых статей, Страхов решился сделать рискованный шаг к выявлению философско-мировоззренческих оснований спиритизма ученых физиков и химиков, предложив прямой вопрос: «Как существует в мире духовное?» Материалист и эмпирист А.М. Бутлеров ответил на вопрос

откровенно материалистически, что вынудило идеалиста Н.Н. Страхова обнаружить свои вненаучные предпосылки: «Наука не объемлет того, что для нас всего важнее, всего существеннее, не объемлет *жизни*. Вне науки находится главная сторона нашего бытия, то, что составляет нашу судьбу, то, что мы называем Богом, совестью, нашим счастьем и достоинством... Чувствую, что выставляю положения, которые хотя совершенно просты и ясны, но покажутся очень новыми... Есть старинное учение, что та же дверь, которая ведет в глубину нашего сердца, ведет и в область божественных сил. Это – прекрасное и истинное учение; на этом пути нужно искать Бога, а не в четвертом измерении пространства... Вы спрашиваете, или готовы спросить: *как же существует в мире духовное?* Если оно не проявляется в спиритических чудесах, то где же и как оно действительно проявляется? Странные вопросы!.. Между тем, и истина, и дух, и всякое высшее благо, – все это доступно каждому всегда и везде; все это близко к нам, все это было бы прямо перед нашими глазами, если бы мы упорно не отворачивались, если бы мы сами не создавали себе того густого тумана, который закрывает от нас свет.

...*Кто* себя стремится так резко отличить от остального бытия? Конечно дух. Кто снимает с себя оболочку за оболочкою, кто устанавливает и отрицает от себя понятия механики и физики, кто пронесится по всем небесам и не находит себе подобия в их однообразии и мертвом механизме? Конечно дух. Иногда мы готовы жаловаться, что перед взором науки все мертвеет, всюду являются неизменные стихии и неизменные законы. Но ведь все это есть прямая работа духа, и смысл ее в том, что он не хочет признавать живым то, что не заслуживает этого названия, что он истинную жизнь признает только за собою» [3].

Прочитав такой ответ, А.М. Бутлеров прервал участие в разговоре, а вскоре внезапно умер, после чего Н.Н. Страхову передали, что Александр Михайлович больше «не собирался отвечать, ссылаясь на то, что наши исходные точки совершенно различны» [4]. Как видно, А.М. Бутлеров (кстати сказать, одноклассник Н.Н. Страхова) увидел в страховской статье выражение того, что в теории спора называется полным несовпадением полей аргументации, и прекратил полемику за полным отсутствием перспектив эффективности. Страхов оказался против собственной воли в положении проповедника-миссионера, его план рационального приведения оппонентов к признанию недостаточности своих мировоззренческих устоев провалился. Понимал ли Страхов неизбежность такого конца спора или, вдохновленный одобрениями и «подхваливаниями» Л.Н. Толстого, уверениями его в том, что Страхов способен растолковать любому самый трудный вопрос, мечтал действительно «обратить» неразумных ученых? Судя по репутации стойкого и искреннего борца против общественных заблуждений, Н.Н. Страхову хорошо было знакомо чувство поражения. Стоило «объективисту и созерцателю» отступить от правила «никогда не пускаться в отважные самостоятельные построения... всегда иметь дело с наличными чужими рассуждениями и, как архимедовым рычагом, сокрушать их «вечными истинами» в центральном пункте их мнимой устойчивости» [5, с. 20], и он в полной мере испытал тяжесть дилеммы пророка и исповедника.

«Своею полемикою я желал бы принудительно, насильно привести противников к мысли, что они должны оставить дорогу, на которую вышли, и что им необходимо искать другого выхода. Мне казалось, что, ставши с ними на одну почву, можно сильнее обратить их внимание, что можно подтвердить их стремления, но вместе указать им заблуждение, при котором никакой успех невозможен» [6].

Еще в 1862 г. Н.Н. Страхов сформулировал свое важнейшее философско-методологическое положение о теоретическом схематизме и отвлеченном мышлении: «Что же такое *теория*? Что такое *отвлеченная мысль*? Теория противопоставляется *жизни*, отвлеченная мысль – мысли конкретной... Мысли могут быть различны так сказать по направлению своего движения: одна может идти к предмету, другая *от* предмета. Мысль отвлеченная есть именно та, которая идет от предмета, которая удаляется от него, разрывает с ним связь и доверяется себе самой. Это будет мысль лишенная живой опоры и потому бледная и сухая, движущаяся одною голою логическою связью... Отвлеченная мысль – это та мысль, которая всюду гонится за результатами, подо всем любит подводить итоги; как бы ни был широк и глубок предмет, она, вместо того чтобы углубляться в него и следовательно самой становиться шире и шире, стремится, напротив, сузиться, старается стянуть самый предмет в тесный кружок какой-нибудь голой формулы... Стремление мыслить отвлеченно есть не что иное, как стремление мыслить *самостоятельно*, стремление к мысли, которая бы опиралась сама на себя и не требовала бы никакой посторонней подставки. Отвлеченная мысль, во всяком случае, есть мысль *независимая*, довольствующаяся сама собою» [7].

С редкой прямоотой и самоотверженностью философ признал невыполнимость сверхзадачи рациональной метафизики – познания «Неисследуемого» «в настоящее время», «средствами современного просвещения». «Писать вообще трудно, а в наше время в особенности. Современное просвещение имеет страшную односторонность. Есть простейшие понятия, есть основные

истины, которые так спутаны и извращены, или даже так твердо забыты и устранены из обращения, что речь об них кажется непонятною, дикою, и что сам говорящий должен с великим трудом высвободить свою мысль из привычного всем потока огрубевших форм и искажений» [8]. В страховские времена прозвучали сильные критически-пессимистические оценки сверхобщих познавательных начал, принявших материалистически-прагматический вид. Человечество уже выбрало «начала, на которых оно строит свою жизнь», и не хочет и не может переосмысливать их последовательно, вплоть до практических выводов (Страхов был знаком с мыслями Шопенгауэра, Ницше, не говоря уже о Достоевском и Толстом). Что остается в таких условиях мыслящей части человечества? По мысли Н.Н. Страхова – выполнять свой «долг», совершенствоваться и развивать познание в возможных (научных) направлениях и стараться делать это как можно лучше, безошибочнее, методически корректнее, то есть развивать прежде всего метод.

Пример такой конкретизации темы, метода и философских выводов – статья Н.Н. Страхова «О законе сохранения энергии» [9, с. 453–484], которую он вынужденно написал не столько по следам неоконченного спора с А.М. Бутлеровым, сколько актуально откликаясь на раздражавшее его употребление слова «энергия»: не только метафорически Л.Н. Толстой, но и молодые философски и естественнонаучно образованные писатели, признававшие себя учениками Страхова, – В.В. Розанов, Н.Я. Грот и их круг – стали устойчиво повторять суждения о «психической энергии», о том, «что существует *органическая энергия*, что движение всего сильнее в начале, что есть сила, называемая *целесообразность* ... Все это неточно, неправильно выражено, все это не имеет ни занимательности парадокса, ни верности точной мысли. И как все длинно и бессвязно... Я истинно огорчен и не знаю, что мне делать», – негодовал в письме Н.Н. Страхов [10, с. 56–57]. Видя неизбежность и неотложность очередной просветительской задачи, Страхов взялся за подробнейшее разъяснение вопроса постановки и развития понятия энергии, научного и философского значения закона сохранения энергии. Получившаяся статья стала не только украшением нового издания книги «Мир как целое», но, гармонично встав в текст, позволяет наглядно лишний раз убедиться в цельности и последовательности развития взглядов и учения самого Н.Н. Страхова на протяжении более тридцати лет.

Приверженец органически толкуемого славянофильства, эстетики и духовного начала жизни, Н.Н. Страхов был сознательным борцом именно против формально-теоретической экспансии из законной сферы научно-теоретического разума в сферу всеобщего, в сферу свободного духа, в область возможного. Во всех своих полемиках он настойчиво требовал преодоления «воздушности» мышления, конкретно-жизненной постановки и разрешения вопросов. Позиция Страхова очень близка витгенштейнианскому пониманию задач философии по прояснению понятий в части максимального уточнения логики форм надежных вечных истин о том, что может быть высказано. Дальнейший рост и развитие знания происходит через личностное участие в услышанных разговорах, через органичное включение в многоголосие: откликнуться каждому на «свою» тему, различить фальшивое и настоящее по камертону красоты, добра и правды, поддержать и укрепить ростки истины своими оригинальными аргументами – и в позднейшие времена постпозитивистская философия науки не смогла превзойти понимание метода как эпистемологической метафоры, уместной в целостном рациональном описании и объяснении личностно ориентированного научного творческого познания. Двоякая установка – на выявление «вечных истин» и «анализ человеческих заблуждений» – фундаментальна для всего творческого пути Н.Н. Страхова, смелого и решительного провозвестника будущих научно-философских течений.

Ссылки:

1. Страхов Н.Н. Мир как целое. М., 2007.
2. Введенский А.И. Общий смысл философии Н.Н. Страхова. М., 1897.
3. Страхов Н.Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). СПб., 1887. URL: <http://www.bolesmir.ru/index.php?content=text&name=o322>
4. Там же.
5. Никольский Б.В. Н.Н. Страхов, критико-биографический очерк. СПб., 1896.
6. Страхов Н.Н. О вечных истинах.
7. Страхов Н.Н. Н.А. Добролюбов. По поводу первого тома его сочинений // Время. 1862. № 3. С. 30–54. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0290_olderfo.shtml (дата обращения: 11.03.2012).
8. Страхов Н.Н. О вечных истинах.
9. Страхов Н.Н. Мир как целое.
10. Н.Н. Страхов – В.В. Розанову 17 апр. 1890 // Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 56–57.

References (transliterated):

1. Strakhov N.N. Mir kak tseloe. M., 2007.
2. Vvedenskiy A.I. Obshchiy smysl filosofii N.N. Strakhova. M., 1897.
3. Strakhov N.N. O vechnykh istinakh (Moy spor o spiritizme). SPb., 1887. URL: <http://www.bolesmir.ru/index.php?content=text&name=o322>
4. Ibid.
5. Nikol'skiy B.V. N.N. Strakhov, kritiko-biograficheskiy ocherk. SPb., 1896.
6. Strakhov N.N. O vechnykh istinakh.
7. Strakhov N.N. N.A. Dobrolyubov. Po povodu pervogo toma ego sochineniy // Vremya. 1862. № 3. P. 30–54. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0290_olderfo.shtml (date of access: 11.03.2012).
8. Strakhov N.N. O vechnykh istinakh.
9. Strakhov N.N. Mir kak tseloe.
10. N.N. Strakhov – V.V. Rozanovu 17 apr. 1890 // Rozanov V.V. Literaturnye izgnanniki: N.N. Strakhov, K.N. Leont'ev. M., 2001. P. 56–57.